

© 2017 г.

Ю.С. КОЗАЧУК

ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ ВОПРОСОВ ВКСЕЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ПРАВЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Козачук Юрий Сергеевич — кандидат юридических наук, адвокат (E-mail: y_kozachuk@mail.ru).

Kozachuk Yuriy S. — Ph.D. in Law, advocate (E-mail: y_kozachuk@mail.ru).

Аннотация: статья посвящена исследованию коллизионных норм вексельного права стран Латинской Америки. Основное внимание уделено источникам этого права, принципам и порядку разрешения коллизионных вопросов вексельных обязательств в праве стран Латинской Америки. Проводится сравнительно-правовой анализ коллизионных норм вексельного права стран латиноамериканской, англо-американской и Женевской вексельных систем.

Abstract: the article investigates the conflict of laws rules of the law of bills in Latin American countries. The main attention is paid to the sources of law, principles and the order of the settlement of conflict of laws issues of bills' obligations in the law of Latin American countries. The comparative legal analysis of the conflict of laws rules in Latin America, Anglo-American and the Geneva systems of bills is conducted.

Ключевые слова: переводной вексель, простой вексель, коллизии законов, международное частное право.

Key words: bill of exchange, promissory note, conflict of laws, Private International law.

Коллизионные вопросы вексельных обязательств в современном международном частном праве (далее — МЧП) в основном рассматриваются сквозь призму двух основных систем вексельного права — Женевской и англо-американской. В то же время особенности разрешения вексельных коллизий в странах, относящихся к третьей системе вексельного права, действующей в странах Латинской Америки, всё ещё остаются без надлежащего внимания исследователей. Эта система, по мнению известного юриста-международника Л. П. Ануфриевой, отличается от двух вышеупомянутых вексельных систем “некоторым количеством специфических норм, не свойственных ни англосаксонским, ни континентальным странам”¹.

К так называемой латиноамериканской системе вексельного права относятся те страны Латинской Америки, вексельное законодательство которых не входит ни в одну из основных вексельных систем, базируясь при этом на старофранцузском вексельном праве (Боливия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Куба, Мексика, Панама, Уругвай, Чили, Сальвадор)². На-

ряду с этим некоторые из стран Латинской Америки являются участниками Женевских вексельных конвенций 1930 г.³ (Бразилия), в то время как другие страны этого региона, прямо не относящиеся к участницам указанных конвенций (Аргентина, Парагвай, Перу), основывают свое вексельное законодательство на Единообразном законе о переводном и простом векселях (далее — ЕВЗ), установленном Женевской конвенцией 1930 г. Нормы вексельного права стран Латинской Америки, как правило, размещены в соответствующих разделах торговых кодексов (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Чили, Сальвадор) или изложены в форме отдельного законодательного акта (Закон-декрет Аргентины 1963 г., Мексиканский общий закон о ценных бумагах и кредитных операциях 1932 г., одной из частей которого урегулировано вексельное обращение).

Разрешению коллизионных вопросов вексельных обязательств в странах Латинской Америки

совершения банковских операций по международным расчетам” от 25 декабря 1985 г. № 1 (в ред. от 5 февраля 1991 г.) [Электронный ресурс] // СПС “КонсультантПлюс”. Режим доступа: локальный (Дата обновления: 4.12.2014 г.).

³ См.: Женевская конвенция № 358, устанавливающая Единообразный закон о переводном и простом векселях, Женевская конвенция № 359, имеющая целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях, Женевская конвенция № 360 о гербовом сборе в отношении переводного и простого векселей.

¹ Ануфриева Л. П. Международное частное право. Особенная часть. Учеб. Т. 2. М., 2000. С. 389.

² Информация о вексельном законодательстве стран Латинской Америки приводится в соответствии с Приложением № 10 к Инструкции Внешторгбанка СССР “О порядке

посвящен ряд *специальных коллизионных норм*, созданных в этих странах в XIX–XX вв. в процессе общей унификации МЧП⁴.

К унифицированным источникам коллизионных норм стран Латинской Америки, предназначенных для разрешения коллизионных вопросов вексельных обязательств, следует отнести: Договор о праве международной торговли, подписанный в Монтевидео 12 февраля 1889 г.⁵, Конвенцию о международном частном праве, подписанную в Гаване 20 февраля 1928 г.⁶, также известную как Кодекс Бустаманте, и Межамериканскую конвенцию о коллизиях законов, касающихся переводных векселей, простых векселей и счетов-фактур, подписанную в Панаме 30 января 1975 г.⁷ (далее — Межамериканская конвенция).

Положения *Договора о праве международной торговли 1889 г.*, касающиеся коллизионных вопросов вексельных обязательств, изложены в ст. 26–34 этого международного документа. По предмету своего регулирования указанные положения ДПМТ предназначены для разрешения коллизий законов о коммерческих траттах, переводных и простых векселях (ст. 33), которые возникают по следующим вопросам: 1) формы вексельных обязательств (ст. 26); 2) правоотношений между векселедателем и получателем, а также между векселедателем и плательщиком (ст. 27); 3) обязательства акцептанта по отношению к держателю (ст. 28); 4) действия и содержания индоссамента (ст. 29, 30); 5) действия авая

(ст. 31); 6) действия акцепта в порядке посредничества (ст. 32); 7) места разрешения вексельных споров (ст. 34).

Договор о праве международной торговли 1889 г. до настоящего времени действует на территории довольно незначительного количества латиноамериканских стран, ратифицировавших этот Договор или присоединившихся к нему (Уругвай, Аргентина, Боливия, Колумбия, Парагвай, Перу, Уругвай, Бразилия, Чили).

Правила разрешения коллизионных вопросов вексельных обязательств, установленные в ст. 263–271 гл. VI “Контракт, переводной вексель и аналогичные торговые документы” кн. “Международное торговое право” *Конвенции о международном частном праве (Кодекса Бустаманте)*, применяются к: 1) форме вексельных обязательств (ст. 263); 2) правоотношениям между векселедателем и получателем (ст. 264); 3) правам и обязанностям между акцептантом и векселедержателем (ст. 265); 4) содержанию и действию обязательств, возникающих из индоссамента (ст. 266, 267); 5) обязательствам, возникающим из авая (ст. 268); 6) юридическим последствиям акцептования в порядке посредничества (ст. 269); 7) срокам и формальностям, связанным с акцептованием, платежом и опротестованием (ст. 270). Правила этой главы применяются также и к местным траттам, распискам, простым векселям и приказам или чекам (ст. 271).

Следует отметить, что Конвенция о международном частном праве (Кодекс Бустаманте), ратифицированная 15 латиноамериканскими государствами, имеет более широкую территориальную сферу действия, чем Договор о праве международной торговли 1889 г., хотя и остается документом регионального характера. При этом в связи с оговорками, сделанными рядом государств при подписании Кодекса Бустаманте, о том, что его положения не применяются во всех случаях, когда они противоречат нормам внутреннего права, эффект от проведенной унификации коллизионных норм был значительно уменьшен.

Отдельным источником коллизионного вексельного права стран Латинской Америки являются нормы *Женевской конвенции 1930 г., имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях* (далее — Женевская коллизионная конвенция), созданные в процессе международной унификации вексельного права. Особенность этого источника состоит в том, что среди всех стран Латинской Америки только Бразилия присоединилась к этой конвенции и согласилась применять ее нормы, в то

⁴ Подробнее о процессе унификации коллизионных норм в странах Латинской Америки см.: *Вилкова Н. Г.* Договорное право в международном обороте. М., 2002. С. 140–150; *Доронина Н. Г.* Международно-договорная унификация коллизионного права стран Латинской Америки (проблемы и тенденции) // Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. Вып. 44. М., 1989. С. 114–134; *Доронина Н. Г.* Унификация международного частного права в странах Латинской Америки // Советский ежегодник международного права. СПб., 1992. С. 170–180; *Шебанова Н. А.* Проблема кодификации законодательства по международному частному праву в странах Латинской Америки // Проблемы современного международного частного права. Сб. обзоров. М., 1988. С. 113–129; *Alejandro M. Garro.* Unification and Harmonization of Private Law in Latin America // The American Journal of Comparative Law. Vol. 40. № 3 (Summer, 1992). P. 587–616.

⁵ Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I. ООН. Нью-Йорк, 1971. С. 151, 152.

⁶ Там же. С. 182–184.

⁷ Inter-American Convention on Conflict of Laws concerning Bills of Exchange, Promissory Notes and Invoices. Panama, 1975. [Electronic resource] // Organization of American States // <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-33.html>

время как другие латиноамериканские страны (Колумбия, Эквадор и Перу) лишь подписали указанную конвенцию, не ратифицировав ее. Однако, как будет показано далее, на региональном уровне нормы Женевской коллизионной конвенции были заменены указанными странами на другие унифицированные принципы разрешения коллизионных вопросов вексельных обязательств.

Основным источником коллизионных норм вексельного права стран Латинской Америки, участвующих в Организации американских государств (далее — ОАГ), ныне является Межамериканская конвенция, принятая 30 января 1975 г. на I специализированной Межамериканской конференции по международному частному праву (CIDIP-I) в Панаме. Этот международный документ, имеющий сегодня наиболее существенное значение для разрешения коллизионных вопросов вексельных обязательств в странах Латинской Америки, заслуживает особого внимания специалистов, поскольку его положения фактически не исследовались в русскоязычной литературе по международному частному и вексельному праву, а потому нуждаются в углубленном анализе.

Целью принятия Межамериканской конвенции было создание единых унифицированных правил разрешения коллизий вексельных законов в тех странах Латинской Америки, которые входят в состав ОАГ. Возникновение указанных коллизий, в свою очередь, связано со значительными отличиями в вексельном законодательстве стран этого региона, которое формировалось под влиянием разных правовых учений и правовых систем стран мира. В то же время сфера действия принятых ранее в странах Латинской Америки унифицированных актов, содержащих коллизионные нормы вексельного права, была значительно сужена за счет сделанных в них оговорок, что не позволило окончательно решить проблему унификации коллизионных норм этой отрасли права в региональном масштабе. С целью преодоления этих противоречий ОАГ было принято решение о создании Межамериканской конвенции.

Межамериканскую конвенцию подписали около 20 стран Латинской Америки: Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай и Венесуэла. Причем ратифицировали Межамериканскую конвенцию и, таким образом, ввели ее нормы в национальную правовую систему большинство из этих стран. Участие в Межамериканской

конвенции такого значительного количества латиноамериканских стран свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в этом регионе состоялась реальная унификация коллизионных норм вексельного права.

Межамериканская конвенция, которая, равно как и предыдущие акты унифицированного законодательства, является документом регионального значения, по сфере пространственного действия распространяется на территорию тех государств — членов ОАГ, которые ее подписали или ратифицировали. Суды государства-участника, в котором вексельное обязательство подлежит исполнению или в котором ответчик имеет постоянное место жительства, согласно ст. 8 Межамериканской конвенции по выбору истца должны иметь юрисдикцию в спорах, которые возникают из оборота векселя.

Положения Межамериканской конвенции не предусматривают возможности свободного выбора участниками вексельных отношений права, которому будут подчиняться их отношения (принцип автономии воли — *lex voluntatis*). Нормы Женевской коллизионной конвенции, а также английского закона о переводных векселях 1882 г. (далее — АЗПВ) также умалчивают о возможности самостоятельного выбора надлежащего права. В то же время ст. 1–105 (1) Единого торгового кодекса США (далее — ЕТК США) такую возможность допускает, вследствие чего векселедатель, индоссант или акцептант векселя на основании принципа автономии воли могут избрать право любого штата или государства, с которым вексельное соглашение имеет разумную связь⁸.

Межамериканская конвенция содержит нормы, предназначенные для разрешения следующих коллизионных вопросов вексельных обязательств: 1) способности вступать в вексельное обязательство (ст. 1); 2) формы вексельных обязательств (ст. 2); 3) содержания и действия вексельных обязательств (ст. 3, 4, 5); 4) процедуры и ограничения времени для акцепта, платежа и протеста (ст. 6); 5) мер, которые должны предприниматься в случаях ограбления, кражи, мошенничества, утери, уничтожения или повреждения (ст. 7); 6) юрисдикции судов в вексельных спорах (ст. 8).

Положения Межамериканской конвенции содержат несколько принципиальных новелл

⁸ Козачук Ю. С. Коллизионные вопросы вексельного обращения в праве Соединенных Штатов Америки // Московский журнал междунар. права. 2014. № 2. С. 119.

в коллизионном регулировании вексельных отношений, на которых следует остановиться подробнее.

Векселеспособность. Договор о праве международной торговли 1889 г. и Кодекс Бустаманте, которые к моменту принятия Межамериканской конвенции имели значение основных источников унифицированных норм коллизионного вексельного права стран Латинской Америки, не предусматривали порядка определения **векселеспособности лица**, которая состоит в способности приобретать права по векселю (активная векселеспособность) или обязываться по нему (пассивная векселеспособность). Отсутствие в тексте этих международных документов коллизионных норм относительно векселеспособности следует отнести, по нашему мнению, к их недостаткам, поскольку без создания механизма установления права, которым определяется возможность принятия любого вексельного обязательства, унификацию коллизионных норм вексельного права нельзя считать завершённой.

В отличие от вышеуказанных международных соглашений, Межамериканская конвенция предусматривает порядок определения **векселеспособности лица**. Общее правило по этому поводу, которое содержится в ч. 1 ст. 1 Межамериканской конвенции, сформулировано следующим образом: способность вступать в обязательство при помощи переводного векселя должна определяться правом того места, где обязательство было принято. Это же правило в силу ст. 9 Межамериканской конвенции распространяется и на случаи определения способности лица вступать в обязательство при помощи простого векселя. Из приведенного конвенционного положения усматривается, что в данном случае унификации были подвергнуты именно коллизионные вопросы, связанные с пассивной векселеспособностью.

Анализ юридических терминов, содержащихся в привязке ч. 1 ст. 1 Межамериканской конвенции, позволяет квалифицировать ее как коллизионную привязку к закону места заключения сделки (*lex loci contractus*). Эта привязка применяется для определения способности лица обязываться по векселям и в Женевской системе вексельного права, однако порядок ее применения отличается от предусмотренного Межамериканской конвенцией. Так, согласно абз. 1 ст. 2 Женевской коллизионной конвенции векселеспособность лица определяется его национальным законом, которому в современном МЧП соответствуют привязки *lex personalis/lex societatis*, в то время как привязка к закону места заключения

сделки (привязка *lex loci contractus*) может быть применена к определению векселеспособности лишь субсидиарно (абз. 2 ст. 2 этой Конвенции).

В английском праве векселеспособность определяется по закону места заключения сделки (*lex loci contractus*), однако, в отличие от Межамериканской конвенции, в английском праве это правило закреплено не в соответствующей коллизионной норме, а выводится из положений материальной нормы ст. 22 (1) АЗПВ, согласно которой векселеспособность совпадает с общей контрактной правоспособностью, а последняя, в свою очередь, определяется в современном английском праве по *lex loci contractus*. При этом следует иметь в виду, что в английском праве содержание привязки *lex loci contractus* зависит от значения фактора места принятия вексельного обязательства, которое согласно этому праву возникает в месте проставления должником соответствующей подписи, однако завершается (вступает в силу) в месте выдачи документа.

Таким образом, можно констатировать, что на региональном уровне страны-участницы Межамериканской конвенции отказались от порядка определения способности лица обязываться по векселям, который действует в странах Женевской и английской вексельных систем, заменив его другим порядком, в основу которого положен коллизионный принцип *lex loci contractus*. Цель, которую преследовали при этом разработчики Межамериканской конвенции, состояла, по нашему мнению, в защите прав вексельного кредитора от возможности ссылки вексельного должника на ограничение своей векселеспособности по его национальному (личному) закону. Для достижения этой цели необходимым было создание такого коллизионного правила, которое отображало бы наиболее тесную связь между способностью лица обязываться по векселям и правом того государства, в котором соответствующие обязательства были приняты. Применение коллизионной привязки *lex loci contractus* для определения векселеспособности позволило разработчикам Межамериканской конвенции не только достичь вышеупомянутой цели, но и, как отмечает А. И. Выговский, обеспечить стабильность вексельного обращения⁹.

Наряду с определением права, которому подчиняется способность лица обязываться по векселю, Межамериканская конвенция также устанавливает **правовые последствия, которые имеют**

⁹ *Выговський О. І.* Інститут цінних паперів у міжнародному приватному праві. Київ, 2011. С. 292.

обязательства лиц, не способных обязываться по территориальному закону. Так, согласно ч. 2 ст. 1 Межамериканской конвенции, если обязательство было принято лицом, которое не способно обязываться согласно вышеупомянутому Закону (закону того места, где обязательство было принято. — Ю.К.), то такая неспособность не порождает никаких последствий на территории никакого другого государства — участника этой Конвенции, если обязательство является действительным в соответствии с законом того государства. Содержание этого коллизионного правила свидетельствует о том, что последствия ограничения векселеспособности лица по закону места принятия им обязательства также определяются согласно коллизионному принципу *lex loci contractus*, который в данном случае отсылает к законодательству того из государств-участников Межамериканской конвенции, на территории которого решается вопрос о действительности соответствующего вексельного обязательства. Иными словами, при условии применения коллизионного правила ч. 2 ст. 1 Межамериканской конвенции последствия ограничения векселеспособности будут рассматриваться с точки зрения требований национального вексельного законодательства одного из государств — участников указанного международного документа.

Таким образом, Межамериканская конвенция определяет коллизионным принципом *lex loci contractus* как способность лица обязываться по векселям (ч. 1 ст. 1), так и последствия принятия вексельного обязательства лицом, которое не является способным по закону места его принятия (ч. 2 ст. 1), что, по нашему мнению, обеспечивает более эффективную защиту прав добросовестного приобретателя векселя от последствий ограничения способности вексельного должника в сравнении с аналогичными коллизионными нормами женеvской и англо-американской вексельных систем. Эффективность этой защиты проявляется, в частности, в том, что вексельный кредитор, который находится на территории одного из государств — участников Межамериканской конвенции, может оценивать способность должника обязываться по векселю с позиций не только законодательства того государства, на территории которого было подписано соответствующее обязательство, но и своего национального законодательства, которое в конечном итоге может быть применено к соответствующему вексельному обязательству.

Учитывая вышеизложенное, следует признать, что существующие различия в порядке (механизме)

определения способности лица обязываться по векселю в странах латиноамериканской, женеvской и англо-американской систем вексельного права нельзя считать принципиальными, поскольку коллизионный принцип *lex loci contractus* во всех указанных системах применяется для защиты интересов стабильности вексельного обращения и исключения возможности ссылки вексельного должника на то, что его векселеспособность ограничена национальным законом.

Одним из необходимых условий обеспечения действительности вексельного обязательства является соблюдение требований относительно его формы, которые предусмотрены законодательством места его принятия. Под **формой вексельных обязательств** понимаются требования национальных законов к составу и способам выполнения вексельных реквизитов, а также требования к стандартным бланкам векселей. В тех странах Латинской Америки, которые являются участницами Женеvских вексельных конвенций 1930 г. или основывают на них свое вексельное законодательство, реквизиты формы векселя также предусмотрены вышеуказанными нормами ЕВЗ. В других странах этого региона, в основе вексельного законодательства которых лежит старофранцузское вексельное право, реквизиты вексельной формы установлены теми законодательными актами, которые регулируют вексельное обращение в этих странах¹⁰.

Несмотря на то что требования, которые установлены ЕВЗ и законодательными актами отдельных стран Латинской Америки к реквизитам вексельной формы, могут не совпадать, всех их объединяет то, что следствием отсутствия одного из предусмотренных законом реквизитов является лишение такого документа вексельной силы (за исключением случаев, предусмотренных законом). Учитывая это, коллизионные нормы, с помощью которых можно определить право, регулирующее форму вексельных обязательств, имеют чрезвычайно важное значение для определения действительности вексельного обязательства.

В тех странах Латинской Америки, которые являются членами ОАГ, решение коллизионных

¹⁰ Реквизиты формы переводных векселей по законодательству Колумбии (Торговый кодекс 1971 г.) и Мексики (Общий закон о ценных бумагах и кредитных операциях 1932 г.) приводятся в Приложении № 10 к Инструкции Внешторгбанка СССР “О порядке совершения банковских операций по международным расчетам” от 25 декабря 1985 г. № 1 (в ред. от 5 февраля 1991 г.) [Электронный ресурс] // СПС “КонсультантПлюс”. Режим доступа: локальный (Дата обновления: 4.12.2014 г.).

вопросов формы вексельных обязательств осуществляется на основании ст. 2 Межамериканской конвенции. Согласно этой статье форма выставления, индоссирования, поручительства, посредничества, акцепта или протеста переводного векселя должна определяться законом того места, в котором совершается каждое из этих действий. На наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что в данном случае обязательства относительно формы вексельных обязательств определяются при помощи привязки к закону места совершения сделки, определяющего ее форму (*locus regit actum*). Такой подход разработчиков Межамериканской конвенции полностью отвечает содержанию соответствующих положений Договора о праве международной торговли 1889 г. (ст. 26) и Кодекса Бустаманте (ст. 263), а потому не содержит принципиальных новелл для коллизионного регулирования формы вексельных обязательств в странах Латинской Америки.

В странах женеvской вексельной системы, как известно, форма любого обязательства, которое возникает из переводного или простого векселя, также определяется коллизионным принципом *locus regit actum* (ст. 3 Женевской коллизионной конвенции), в то время как в английской вексельном праве формальная действительность вексельного обязательства определяется коллизионным принципом *lex loci contractus* (ч. 1 ст. 72 АЗПВ). При этом содержание указанных коллизионных принципов обусловлено тем значением фактора места принятия вексельного обязательства, которым оно наделяется материальным вексельным правом этих стран. Так, в английской системе фактор места принятия вексельных обязательств имеет разное значение для обязательств векселедателя, акцептанта и индоссанта, поэтому форма обязательств векселедателя будет определяться правом места первого вручения векселя (*first delivery*), обязательств акцептанта — правом места вручения (передачи) векселя или места осуществления нотификации, а обязательств индоссанта — правом места вручения векселя. В вексельном праве стран женеvской системы, наоборот, фактор места принятия вексельного обязательства имеет одинаковое значение для всех участников вексельных обязательств — место подписания векселя.

Поскольку содержание коллизионных норм женеvской и английской вексельных систем, определяющих форму вексельных обязательств, наиболее тесно связано со значением фактора места принятия вексельного обязательства в праве этих стран, можно сделать обоснованное

предположение о том, что соответствующие коллизионные нормы Межамериканской конвенции также должны быть связаны со значением этого фактора в вексельном праве государств — участников этой Конвенции. Содержание коллизионной нормы ст. 2 Межамериканской конвенции свидетельствует о том, что форма вексельных обязательств определяется законом того места, в котором совершаются такие действия, как выставление, индоссирование, поручительство, посредничество, акцепт или протест векселя, т.е. содержание этой нормы обусловлено одним и тем же значением фактора места принятия вексельного обязательства для всех должников. Это, в свою очередь, означает, что при формулировании коллизионного правила ст. 2 Межамериканской конвенции его разработчики ориентировались на подход к этому вопросу не английской, а женеvской вексельной системы, тем более что положения ЕВЗ являются основой вексельного законодательства таких государств, как Аргентина, Бразилия, Парагвай и Перу, участвующих в Межамериканской конвенции. В этой связи допустимым является вывод о том, что подчинение ст. 2 Межамериканской конвенции формы вексельных обязательств закону того места, в котором совершается каждое из вексельных действий (коллизионный принцип *locus regit actum*), также обусловлено значением фактора места принятия вексельных обязательств в материальном вексельном праве государств — участников Межамериканской конвенции.

Межамериканская конвенция (ст. 2) не дает ответа на вопрос о том, могут ли вексельные обязательства, которые являются недействительными в силу дефекта своей формы по праву страны, в которой они были приняты, порождать действительные последствия для приобретателей, если форма этих обязательств будет отвечать требованиям законодательства того государства, где были приняты последующие обязательства. Однако в ст. 4 Межамериканской конвенции сформулировано следующее правило, которое может быть применено в подобных случаях: если одно или более обязательств, принятых по переводному векселю, является недействительным по закону, который подлежит применению согласно предыдущим статьям, эта недействительность не должна влиять на другие обязательства, которые являются действительными согласно закону места, где они были приняты. Содержание этого правила также свидетельствует о том, что форма вексельных обязательств подчинена Межамериканской конвенцией общему принципу “несколько контрактов — несколько правовых систем”,

существующему в Женевском и английском коллизионном вексельном праве. Согласно этому принципу каждое вексельное обязательство рассматривается как самостоятельное, поэтому требования к форме каждого из таких обязательств определяются правом того государства, на территории которого они были приняты. В связи с этим недействительность предшествующих вексельных обязательств вследствие дефекта их формы не должна влиять на другие обязательства, которые являются действительными согласно закону того места, где они были приняты. Именно в таком виде принцип “несколько контрактов — несколько правовых систем” был реализован при определении формы вексельных обязательств в ст. 2 и ст. 4 Межамериканской конвенции.

Содержание отдельных вексельных обязательств. Договор о праве международной торговли 1889 г. и Кодекс Бустаманте не содержат единой коллизионной нормы, которая определяла бы право страны, регулирующее содержание и действие вексельных обязательств. В то же время в ст. 27–32 Договора о праве международной торговли 1889 г. и ст. 264–269 Кодекса Бустаманте содержание и действие отдельных вексельных обязательств определяются по закону той страны, на территории которой была сделана соответствующая обязывающая подпись (коллизионный принцип *lex loci contractus*).

В отличие от вышеупомянутых международных документов, в Межамериканской конвенции установлено общее правило для определения содержания и действия всех вексельных обязательств. Согласно ст. 3 этой конвенции все обязательства, возникающие из переводного векселя, должны определяться законом того места, в котором они были приняты. Правовые термины, использованные в привязке этой коллизионной нормы, указывают на то, что содержание и действие обязательств акцептанта переводного векселя, векселедателя простого векселя, индоссанта и авалиста определяются Межамериканской конвенцией по месту совершения каждой из этих вексельных сделок, т.е. по закону места заключения сделки (*lex loci contractus*). Однако подчинение Межамериканской конвенцией содержания и действия всех вексельных обязательств коллизионному правилу *lex loci contractus* имеет свои недостатки, которые связаны с тем, что в некоторых случаях эта привязка не обеспечивает наиболее тесной связи с материальным вексельным правом того государства, которое регулирует обязательства отдельных должников.

Так, содержание и действие обязательств акцептанта переводного векселя и векселедателя простого векселя согласно положениям ст. 3 Межамериканской конвенции определяются законом того места, в котором эти обязательства были приняты, причем независимо от того, совпадает ли место их подписания с местом платежа или нет. В то же время, как мы уже поясняли ранее, в праве тех государств, которые являются участниками ЕВЗ, вопрос действия обязательств акцептанта переводного векселя и векселедателя простого векселя, а также вопрос частичного акцепта переводного векселя наиболее тесно связаны с местом, в котором переводной вексель подлежит оплате, вследствие чего содержание и действие этих обязательств определяются абз. 1 ст. 4 и абз. 1 ст. 7 Женевской коллизионной конвенции по закону того места, в котором эти документы подлежат оплате.

В связи с тем что среди государств, которые являются участниками Межамериканской конвенции, есть и государства, вексельное законодательство которых основано на ЕВЗ, следует признать, что коллизионная привязка ст. 3 Межамериканской конвенции, локализирующая действие обязательств всех вексельных должников в месте заключения вексельного контракта, в части определения содержания и действия обязательств акцептанта переводного векселя и векселедателя простого векселя не обеспечивает наиболее тесной связи с материальным вексельным правом указанных государств. По этим причинам попытку унификации в Межамериканской конвенции коллизионных правил, которыми определяются содержание и действие вексельных обязательств, нельзя признать удачной. Одной из главнейших предпосылок завершенной региональной унификации вексельного права, по нашему мнению, должно быть приведение к общему правовому регулированию не только коллизионных, но и материальных норм, что, в свою очередь, обеспечит реализацию принципа наиболее тесной связи между содержанием коллизионных норм и материальным правом того государства, которое регулирует соответствующие вексельные отношения.

Определение содержания и действия вексельных обязательств на основании ст. 3 Межамериканской конвенции возможно в тех случаях, когда из текста векселя видно, в каком месте соответствующие обязательства были приняты. Однако вексельное право некоторых государств — участников Межамериканской конвенции, которое принадлежит к старофранцузскому

типу, не требует обязательного указания в векселе места обязательства векселедателя, акцептанта, индоссанта и авалиста. Вексельное право тех государств — участников Межамериканской конвенции, которое основано на ЕВЗ, предусматривает, что векселедатель переводного или простого векселя должен отмечать в тексте этих документов место их составления, поскольку место составления векселя является обязательным реквизитом (п. 7 ст. 1 и п. 6 ст. 75 ЕВЗ), отсутствие которого влечет за собой недействительность векселя. В то же время относительно обязательств акцептанта, индоссанта и авалиста положениями ЕВЗ подобного требования не предусмотрено. Место составления векселя также не принадлежит к обязательным реквизитам этого документа согласно положениям АЗПВ (ст. 3 (4) и ЕТК США (ст. 3—104)), поэтому отсутствие этого реквизита в тексте векселя не считается основанием для признания его недействительным. Английское и американское вексельное право не предусматривает и обязательного указания места принятия обязательств другими вексельными должниками.

В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: каким образом следует определять право, которым регулируются содержание и действие вексельных обязательств, если в тексте векселя не указано место их принятия? Доктринальные источники¹¹ указывают на то, что в вексельном праве действует презумпция подписания самого векселя в месте его составления, а подписи других обязанных лиц по векселю считаются проставленными в местах, указанных рядом с этими подписями. В том случае, если такое место не может быть определено из текста векселя, подпись должна считаться сделанной в государстве личного закона подписанта. Этот подход, связанный с альтернативным применением *lex loci actus* или *lex personalis*, применяется для определения векселеспособности в тех государствах, которые не подписали Женевской коллизионной конвенции.

В ст. 5 Межамериканской конвенции ответ на вышеуказанный вопрос дается следующим образом: если в переводном векселе не указано места, в котором по нему было принято обязательство, то обязательство должно определяться законом места, где вексель должен быть оплачен, а если то место не было указано, то по закону места, где

он был выставлен. В силу ст. 9 Межамериканской конвенции это же положение касается и определения места обязательства по простому векселю. Анализ коллизионных принципов, которые содержатся в ст. 5 Межамериканской конвенции, позволяет сделать вывод о том, что в случае отсутствия в тексте векселя ссылки на место, в котором было принято соответствующее обязательство, содержание и действие такого обязательства будут определяться коллизионным принципом *lex loci solutionis* (закон места платежа), а если отсутствует ссылка и на такое место, то коллизионным принципом *lex loci contractus* (закон места выставления векселя).

Однако, как нам представляется, формирование содержания коллизионной нормы ст. 5 Межамериканской конвенции в полной мере не определяется принципом наиболее тесной связи. На наш взгляд, правило этой статьи, равно как и правило ст. 3 Межамериканской конвенции, сформулировано без учета того, что действие обязательств прямых вексельных должников — акцептанта переводного векселя и векселедателя простого векселя, а также регрессных должников — векселедателя переводного векселя, индоссантов и их авалистов не может быть наиболее тесно связано с одним и тем же местом. Именно из таких предпосылок исходит Женевская коллизионная конвенция, ст. 4 которой локализует действие обязательств прямых должников по векселю в месте его оплаты, а регрессных — в месте подписания соответствующих обязательств. Применение в ст. 5 Межамериканской конвенции коллизионного принципа *lex loci contractus* для определения места принятия обязательств прямыми и регрессными вексельными должниками мы считаем допустимым лишь в том случае, если отсутствуют другие критерии для определения такого места.

Таким образом, ст. 3 Межамериканской конвенции определяет содержание и действие обязательств всех вексельных должников на основании единого коллизионного принципа — *lex loci contractus*, что, однако, не отвечает принципу наиболее тесной связи по отношению к обязательствам прямых вексельных должников — акцептанта переводного векселя и векселедателя простого векселя, поскольку их действие, в отличие от действия обязательств регрессных должников — векселедателя переводного векселя и индоссантов и их авалистов, наиболее тесно связано с правом места платежа по векселю. В случае отсутствия в тексте векселя ссылки на место, в котором было принято соответствующее

¹¹ Выговский А. И. Механизмы разрешения коллизий в международном вексельном праве. Опыт стран женевской и англо-американской вексельных систем // Московский журнал междунар. права. 2009. № 4. С. 105.

обязательство, содержание и действие такого обязательства будут определяться согласно ст. 5 Межамериканской конвенции законом места платежа по векселю (*lex loci solutionis*), а если отсутствует ссылка и на такое место, то по закону места выставления векселя (*loci contractus*). Это правило также сформулировано без учета того, что действие обязательств прямых и регрессных вексельных должников не может быть наиболее тесно связано с одним и тем же местом.

Исполнение вексельных обязательств. В ст. 6, 7 и 8 Межамериканской конвенции содержатся коллизионные нормы, посвященные последствиям исполнения или ненадлежащего исполнения вексельных обязательств либо, как их иногда еще называют в литературе по вексельному праву, эксцессам вексельного обращения. Согласно ст. 6 Межамериканской конвенции процедуры и ограничения времени для акцепта, платежа и протеста должны определяться по закону места, где такие действия совершаются или должны быть совершены, т.е. определяются коллизионным принципом *lex loci actus*. Аналогичным образом разрешает коллизионные вопросы сроков и формальностей, связанных с акцептованием, платежом и опротестованием векселя, и ст. 270 Кодекса Бустаманте, согласно которой эти действия регулируются местным законом. Согласно ст. 7 Межамериканской конвенции закон государства, в котором вексель оплачивается, должен определить меры, которые должны приниматься в случаях ограбления, кражи, мошенничества, утери, уничтожения или повреждения до степени непригодности к использованию. Иными словами, Межамериканская конвенция разрешает вопрос о мерах, которые должны предприниматься в указанных случаях, по закону места платежа (*lex loci solutionis*). В отличие от этой Конвенции, Кодексом Бустаманте предусмотрены более суровые правила локализации мер, которые предпринимаются в случаях подлога,

кражи, хищения или утраты ценных бумаг и оборотных документов. Согласно ст. 273 этого Кодекса принятие мер в соответствии с законом места, в котором происходит действие, не освобождает заинтересованные стороны принимать какие-либо другие меры в соответствии с законом места, в котором эти документы или ценные бумаги пускаются в обращение, и законом места их оплаты. Таким образом, констатирует известный российский цивилист В.А. Белов¹², для восстановления прав из утраченного векселя нужно соблюсти законодательства, как минимум, нескольких стран: 1) страны места утраты; 2) страны (или стран) места обращения; 3) страны места платежа. Однако поскольку меры, связанные с восстановлением прав из утраченного векселя, принимаются в порядке, предусмотренном законом страны места платежа по векселю, то необходимость соблюдения при этом законодательства других государств, на наш взгляд, должна определяться законом той страны, в которой осуществляется восстановление указанных прав.

Проведенный выше анализ свидетельствует о том, что разрешение коллизионных вопросов вексельных обязательств в праве стран Латинской Америки происходит в основном в порядке, установленном Межамериканской конвенцией. Эта конвенция имеет ограниченную сферу применения, поскольку является международным унифицированным актом регионального масштаба, вследствие чего может применяться только для поиска права, применимого к вексельным обязательствам, возникающим, исполняющимся или прекращающимся на территории государств — участников Межамериканской конвенции. Коллизионные вопросы вексельных обязательств разрешаются Межамериканской конвенцией согласно принципам *lex loci contractus*, *locus regit actum* и *lex loci solutionis*.

¹² Белов В.А. Курс вексельного права. Учеб. пособие. М., 2006. С. 94.